

АЛЕКСАНДР

ТАМОНИКОВ

СУМКА СО СМЕРТЬЮ

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

Боевые бестселлеры А. Тамоникова

Александр Тамоников

Сумка со смертью

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Сумка со смертью / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (Боевые бестселлеры А. Тамоникова)

ISBN 978-5-699-93502-4

Уволившись со службы, майор спецназа ГРУ Алексей Воронич возвратился в родное село. Шумно отметил встречу с друзьями, а наутро обнаружил в своей заброшенной бане перепуганную девушку Риту. Выяснилось, что беглянка спасается от преследующих ее бандитов. Работая в борделе, Рита стала участницей инцидента, в результате которого в ее руки попала сумка с большой суммой денег и партией наркотиков. Алексей понимает, что наркодельцы не успокоятся, пока не вернут свое. Бывший спецназовец решает защитить девушку. А это значит, что впереди его ждет жестокая схватка с мафией.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93502-4

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Тамоников

Сумка со смертью

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.
От автора*

© Тамоников А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава первая

Женщина смотрела на него как-то странно. Она занималась этим битых два часа – как только села в поезд на безвестной уральской станции. Вроде хотела что-то сказать, но не решалась. Почему она так смотрела? Рог на лбу не вырос, парашют за спиной не волочился. В принципе, неплохо, когда на тебя смотрят женщины, но это был явно не тот случай. Интим исключался – дама наслаждалась жизнью на пенсии, и, судя по чопорному виду, последний секс у нее совпал с далекими перестроечными годами. Узнала знакомого? Но он ее не знал. От такого взгляда хотелось испариться в верхние слои атмосферы. Ситуация начинала раздражать. Алексей забрался на верхнюю полку, лег на живот и, обняв худую подушку, начал смотреть в окно. Свой серый «металлизированный» кейс, с которым никогда не расставался, пристроил к стене, подпер плечом. Вечерело. Вагон мерно постукивал по стыкам рельсов. Пассажирский поезд Хабаровск – Москва неторопливо покорял просторы европейской части Российской Федерации. Был июнь 2016 года, природа расцветала, наливалась красками. За насыпью теснились леса, мелькали электрические столбы. Иногда посадки обрывались, в разрывах мелькали поля, крыши деревень. До города Мирославля, куда он направлялся, оставалось пятнадцать часов.

Алексей покосился вниз. Женщина сидела на нижней полке и продолжала пристально смотреть на него. В ней не было ничего необычного. На вид – среднестатистическая пенсионерка. Не барышня, не крестьянка – самая обычная. Плотная юбка, кофточка, седоватые волосы, стянутые в узел. Рядом лежала сумочка – понятно, не от Гуччи, книга с невнятной обложкой, которую она так и не раскрыла. Пассажирка мазнула по нему взглядом, потом посмотрела в окно, потом опять на него, на кейс, который он постоянно держал под рукой, даже в туалет ходил с ним. Верхнее место напротив пустовало – паренек сошел еще в Тюмени. Алексей перегнулся через край полки, глянул вниз. Под ним сидел мужчина средних лиц с физиономией скорбящего Пьеро и уныло смотрел в окно. Командированный из Омска по фамилии Лопухин. Непьющий, некурящий. Несколько часов назад он предложил разделить по-братски приобретенную в вокзальном буфете курицу гриль, но Алексей вежливо отклонил предложение. Кинув очередной взгляд на женщину, Алексей подумал: «С головой у нее не в порядке. Хотя на вид и не скажешь. Тетка как тетка».

– Вы скоро во мне дыру протрете, – обратился он к ней. – В чем дело? Я похож на вашего любимого усопшего спаниеля?

Она смутилась, отвернулась к окну.

Алексей неожиданно для себя представил ее с распущенными волосами, в длинной ночной сорочке – встретишь такую ночью в переходах старого замка, и нервный тик на всю оставшуюся жизнь обеспечен. Пора курить, решил он и спустился вниз, демонстративно игнорируя попутчицу. Потянул за собой кейс и вышел в коридор. С такими попутчиками хоть из тамбура не вылезай. Купе было крайним, сразу за ним – каморка проводника, титан, расписание в рамочке. Он остановился перед ним, еще раз убедился, что поезд прибывает на станцию Мирославль-2 в десять сорок пять утра. Купе проводницы таинственно помалкивало. У титана какой-то заморыш в «больничном» спортивном костюме наливал кипяток в большую фарфоровую чашку и с любопытством покосился на мужика с кейсом. Алексей вышел в тамбур, облегченно вздохнул. Хоть уединиться ненадолго. С момента последнего путешествия по железной дороге отечественные тамбуры чище не стали. Согласно «новейшему» законодательству, курение в поездах запрещалось и приравнивалось к серьезному правонарушению. Но на двери висела консервная баночка – проводница повесила. Смышленная девочка – все равно ведь будут курить да на пол бросать.

Он смолил, привалившись к стене и прижимая пяткой кейс. Промелькнул полустанок. На соседнем пути работала техника, тужился кран на платформе, тягая стальные балки. Мельк-

нула кучка людей в оранжевых жилетах – меняли то ли рельсы, то ли шпалы. Алексей замурлыкал, провожая их глазами: «Эх, родимые ухабы, за окном весь мир в пыли, там оранжевые бабы забивают костыли...» Кончилась сигарета, и он извлек из пачки еще одну – здоровье все равно больше не потребуется... Посмотрел на часы: следующая станция через полтора часа, длинный перегон. Пятнадцать минут остановка. Торговлю на платформе запретили, но бабушки все равно ходят, торгуют пивом из-под полы (можно и покрепче), платят мзду, чтобы не гоняли. На предыдущей станции Алексей приобрел у «коммерсантки» пару бутылок местного пива – такое ощущение, что сама варила из отходов жизнедеятельности...

Распахнулась дверь – из соседнего вагона в тамбур вошли двое. Вернее, не вошли, а ввалились. «Почтеннейшая» публика: молодые, здоровые, рожи наглые, без тени интеллекта. Из ресторана идут, сообразил Алексей. Водочки попили – запашок соответствующий. Ребятам было море по колено. Хотели дальше пойти, но чем-то привлекла фигура одинокого мужчины, прижавшего ногой кейс, к тому же не понравился брошенный в их сторону взгляд. Один был небритый, с заросшей густой щетиной, второй отращивал куцую козлиную бородку.

– Ну, и чего скалишься? – проворчал фальцетом обладатель бородки. – Не нравимся, что ли? Диман, прикинь, – обратился он к щетинистому спутнику, – этот кекс в глаза нам скалится и не очкует. Борзой, что ли?

Алексей не скалился, просто немного удивился: здравствуйте, девяностые? Он вздохнул: вот какого, спрашивается, черта? Этой публике, как собакам, лучше не смотреть в глаза, чтобы не бесить.

– Ну-кся, ну-кся... – пробасил небритый, оттирая товарища плечом. – Слышь, фраер, а ты, в натуре, чего такой бурый? – Колочий взгляд смерил курильщика, загадочный кейс под ногой.

– Парни, можете идти, – вздохнул Алексей. – Предлагаю без разборок – вы идете своей дорогой, я курю дальше. Никому не нужны неприятности. – Уж ему сегодня точно – как «Титанику» айсберг.

Мужчины, глумливо ухмыляясь, подошли поближе. Они не возражали разнообразить скучное течение «железнодорожной» жизни. У обоих на запястьях поблескивали татуировки – нормальные лагерные татуировки, ничего художественного. Возможно, с зоны ехали. Или не так давно освободились. Водочки тяпнули – теперь душа чего-то запросила. А тут мужик – борзой и с кейсом.

– Ну ты нарвался, фраер, – констатировал небритый. – А если не пойдем, что сделаешь? Начнешь расстреливать заложников?

И оба загоготали, нависнув над Алексеем. Ни один мускул на его лице не дрогнул. И внутри все стало тихо и спокойно, за исключением досады. Он всегда был спокоен. «Ты своим спокойствием до истерики доведешь», – однажды выдала женщина, с которой он жил не очень долго.

– Закурить дашь? – поинтересовался бородатый.

– У самого есть, – кивнул Алексей на нагрудный карман, откуда выглядывала пачка дешевых сигарет.

– Не, Диман, он нас точно не уважает, – посетовал хулиган. – А там что? – кивнул он на кейс. – Засвети-ка, что ты с собой таскаешь? Может, ты террорист, а?

Алексей представил их реакцию, когда они увидят то, что в кейсе, и невольно засмеялся. Этот смех окончательно довел их! Небритый Диман собрался врезать наглецу под дых. Алексей опередил, предварительно выбросив окурки в пепельницу. Кулак проделал путь, пробил рыхлое пузо. Удар был выверенным, вполсилы, ударь он мощнее – пробил бы насквозь, как пушечное ядро! Небритый не падал – стоял, шатаясь, и жадно глотал овеванный табачным дымом воздух. Истошно взревел его напарник, блеснуло лезвие – он мастерски, практически из рукава, выхватил нож. Не помогло, однако. Алексей ударил локтем – сбоку в челюсть. Глаза

хулигана сбились в кучку. Ноги подломились, и он рухнул, сложился как треножник. Первый тоже не мог сопротивляться – руки висели плетьюми, вид он имел бледный и несчастный. Алексей подтолкнул его к стене, чтобы оперся.

– Не того вы прессанули, приятель. Предлагал же разойтись миром. И что теперь с вами делать? – посетовал он и, рассмеявшись, добавил: – Хотя знаешь, нет худа без добра. Теперь ты на законных основаниях можешь парковаться под знаком «Места для инвалидов».

Хулиган задергался, как в трансформаторной будке, разве что искры не сыпались. Ожил, кретин! Алексей упустил момент – тот махнул рукой, царапнул ногтями. Щека загорелась. Алексей отпрянул – ах ты гад! Специально ногти не стриг? Он повторил удар – и снова добился желаемого: небритый икнул, отвалился к стене, но вновь устоял. И хорошо, что устоял! Скрипнула дверь в соседнем вагоне, кто-то вошел в узкую «гармошку». Да не один! На отсутствие чутя Алексей не жаловался. Вот и на этот раз – стукнуло по мозгам, почувствовал, что сейчас произойдет. Схватил за шиворот обладателя козлиной бородки, резко поднял его, мобилизуя все мышцы плеч и предплечий, прислонил к стене рядом с небритым. У того разъезжались ноги, приходилось придерживать. Ничего, несколько секунд протянет. «Козел» загородил товарища, который медленно сползал по стенке, а их двоих загородил Алексей. И очень вовремя – распахнулась дверь, в тамбур вошли сотрудники полиции в форме! Патруль, приписанный к поездной бригаде. Алексей их видел вчера, когда гулял по составу. В четвертом вагоне у них «мент-пункт» – смеялись, с девчонками заигрывали. Но сейчас спешили по своим делам. Мельком глянули – трое мужиков, один из них что-то весело говорил (Алексей громко не какую-то пургу). Могли бы всмотреться (заодно за курение привлечь – хотя не докажешь, уже никто не курил), но не стали. Один покосился, прошел в вагон, следом за ним второй. Когда за ними закрылась дверь, Алексей облегченно вздохнул и отпустил бородатого. Тот, закатывая глаза, сполз на пол, уперся пятками в стену. Его товарищ сделал то же самое. Трясущийся пол вагона не желал их держать. Хулиганы пребывали в беспамятстве, пускали слюни. И что теперь, он в ответе за них?

Скрипнула дверь за спиной, кто-то ахнул. Алексей вздрогнул. Но женские «ахи» он пока отличал от мужских. Возможно, проводница что-то услышала, и, едва стражи правопорядка протопали мимо купе, решила полюбопытствовать. А ведь хорошенькая, как-то не к месту отметил Алексей. Маленькая, с симпатичными кудряшками, торчащими из-под форменной пилотки. Девушка вышла в тамбур, машинально прикрыла дверь и прижала ладошку ко рту, реально испугавшись. Зеленые глаза стали круглыми и блестели от страха.

– Боже правый, что вы натворили... – попятилась она, когда небритый зашевелился и застонал.

– Простите, девушка, – вздохнул Алексей, – они первые начали. Стоял, курил, никого не трогал...

– Не могу поверить, вы наkostenяли таким кабанам... – Проводница недоверчиво качала головой и с интересом разглядывала Алексея.

– Это было несложно, – ответил он. – Вы их знаете?

– Знаю... Вернее, не знаю, но видела... вчера, мельком... Они из шестого вагона, в Забайкалье сели, в Москву едут... Моя подруга Галка – она работает в том вагоне – жаловалась на них, мол, прохода не дают, матерятся, пристают к пассажирам, чуть девчонку одну не изнасиловали, приставали к Галке... Водку покупают на станциях, бухают... А полиция не хочет с ними связываться, делают вид, что не замечают их...

– То есть эти товарищи заслуживают наказания? – уточнил Алексей.

– Думаю... да, – помедлив, кивнула девушка. – Я вчера так радовалась, что они не в нашем вагоне...

– Уже в нашем. Может, полицию вызовем, расскажем, как было дело? Они как раз недалеко, можно догнать... – задумчиво почесал затылок Алексей и вдруг почувствовал, что поезд

останавливается. Скрипнули колеса, зажатые тормозными колодками. Он глянул в окно. Не станция – не должно быть никакой остановки. Поезд тормозил посреди леса. За насыпью грудились кустарники, далее возвышался плотный осинник. Состав уже еле волочился – машинист реально его останавливал. Алексей вопросительно глянул на проводницу:

– Мы встаем?

– Ну да... Здесь почти всегда встаем... – поежилась девушка. – Это на минутку, пропускаем скорый поезд. Они же вечно спешат...

– Девушка, милая, – выразительно посмотрел Алексей на проводницу, – вы хотите и дальше ехать с этими отмороженными? Чтобы они реально навредили кому-нибудь из пассажиров? Вы же видите, это не люди... Живые они, ничего им не будет, получают достойный урок, начнут соображать, как следует себя вести! Не волнуйтесь, они в отрубке, вас не видели. Стойте на своем – вы не в курсе, в тамбуре никого не было... Пожалуйста, думайте поскорее, – взмолился он. – Сейчас поедет или кто-нибудь войдет...

– Вы серьезно? – догадалась она и глубоко вздохнула, тряхнув кудряшками. Но все-таки решила – вытащила связку из форменной куртки, отомкнула трехгранным ключом вагонную дверь.

– А теперь уходите, – приказал он. – Стойте у титана. Если кто-нибудь пойдет – задержите его...

Алексей вытолкнул ее из тамбура. Вагон дернулся – поезд встал. Он схватился за поручень, высунулся из вагона. Дул прохладный ветерок, в лесу наперебой чирикали птицы. Плышал шум на соседней колее – гремел встречный экспресс. Он поднял рифленый щиток, стащил со ступеней небритого субъекта, бросил под колеса. Затем стащил второго, проволоков по шпалам, отправил пинком с насыпи. Тот что-то ворчал, давя кустарник, катилась галька. Экспресс умчался, наступила тишина. Как же вовремя он появился! Алексей вытянул шею, прислушался. Все нормально, живые ублюдки, ничего им не сделалось – стонали в кустах, приходя в себя. Вагон дернулся, лязгнула сцепка. Стоянка оказалась недолгой.

Он опустил щиток и облегченно вздохнул. Вдруг в тамбур высунулась трясущаяся мордашка проводницы. «А она, по ходу, свой парень», – мысленно отметил Алексей.

– Все в порядке? – спросила она.

– Все отлично, – кивнул он. – Ничего не было. Двое пассажиров отстали от поезда. Догонят... когда-нибудь.

– Господи, что я себе позволяю... – неуверенно вошла в тамбур проводница. Какое-то странное выражение на бледной мордашке – убойная смесь переживания, страха, интереса, нежелания, чтобы все это кончалось... – Что с вами? – ахнула она и коснулась пальцем его щеки. – У вас щека порезана, кровь идет... Пойдемте скорее ко мне, это надо вылечить... Идемте же! – потянула она его за руку. – Что вы приклеились к этому полу?

Алексей шагнул в вагон, и проводница, смеясь, затолкнула его к себе. Заперлась, усадила на полку, крытую пушистым покрывалом, сбросила пилотку, форменную куртку и кинулась к шкафчику за аптечкой. Он сидел, как бедный родственник, зажав ногами кейс. Она смочила ватку перекисью и стала обрабатывать царапины, склонившись над ним и высунув язычок от усердия. Кудряшки щекотали нос, девушка посмеивалась.

– Ладно, хватит, – волнуящим голосом проговорила девушка и просто повалилась на него. Алексей тоже решил, что хватит, оба не железные! Он упал навзничь, распластался на полке. А дальше вождение заволокло сознание... Секс был бурным, «ложе» гнулось и трещало. Вагон ходил ходуном, перестук колес сливался в ускоренную какофонию – состав разогнался на длинном перегоне. Несколько раз их прерывал стук в дверь, но они не реагировали. В коридоре кто-то возмущался, требовал обещанный чай, кому-то подсунили несвежее белье, у кого-то не закрывалось окно, какую-то даму не устраивал выпивающий сосед. Проводница

вздрагивала от смеха, прижимала палец к его губам: тихо, дорогой, тихо. Затем забралась ему под мышку и, удовлетворенно засопев, сказала:

– Ну, здорово... Мне так хорошо с тобой... Это было что-то...

В дверь продолжали барабанить. Девушка вздохнула и поднялась:

– Я отлучусь ненадолго, хорошо? Никому не открывай, не вставай... И не уходи, я тебя очень прошу. Сделаю свою работу и вернусь.

– Не спеши, – пробормотал он. – Делай спокойно свою работу...

Кажется, была станция, он точно не помнил. В вагон заходили люди, кто-то выходил, тащил тяжелые сумки, ругались взрослые, плакал ребенок. В окно заглядывала привокзальная иллюминация, бубнил в громкоговоритель монотонный женский голос. Наконец вагон дернулся, начал плавно набирать скорость. «Следующая станция через три часа», – машинально пришло на ум. В прошлые сутки нечего было делать, и Алексей наизусть выучил расписание. Бубнили пассажиры, кто-то возмущался «отвратительным сервисом». Проводница огрызалась: хотите нормального сервиса – летайте самолетами «Аэрофлота» или чем угодно – хоть дирижаблями и коврами-самолетами...

Дверь в купе открылась, потом закрылась, повернулась защелка. Раздался облегченный вздох, и девушка юркнула к нему под бочок, обняла и зашептала:

– Во-первых, меня прижал к теплой стенке пассажир из твоего купе и начал взволнованно повествовать о том, что ты пропал. Ушел покурить и не вернулся. Сумка на месте, а гражданина нет. Либо он злоумышленник, либо пал жертвой преступления. Надо срочно сообщать в полицию, не могла бы я это сделать? Я объяснила человеку, что с тобой все в порядке, ты временно занял место в другом купе и к утру обязательно вернешься. Он был удивлен и, мне кажется, начал что-то подозревать – особенно после того, как я расхохоталась... Во-вторых, имеется информация от правоохранительных органов. Пропали двое пассажиров из шестого вагона, но на них наткнулся путевой рабочий – пострадавшие ничего не помнят, чувствуют себя отвратительно. Напились так, что умудрились выпасть из поезда, отбили себе все бока... Решается вопрос, как ехать дальше и где искать их багаж...

– Да и шут с ними... – прошептала Алексей. – Хотя не думаю, что этот случай заставит их поумнеть... Есть еще и «в-третьих»?

– Конечно... Как вас зовут, молодой человек?

– Да, прости, как-то странно получилось... Алексей... Алексей Петрович Воронич... В смысле, Петрович – отчество, а Воронич – фамилия...

– Юлия Александровна... Кузнецова... – прыснула она. – Ты отдохнул, Алексей Петрович? Способен уделить даме пару своих драгоценных минут?

Второй раунд был такой же бурный, как и первый. Они лежали в прострации, приходили в себя. «Отличная совместимость, – подумал Алексей. – Как жаль, что это... не мое».

– Ты живая? – спросил он.

– Не уверена... Ты утром сходишь?

– Угу...

– Жалко... А в Москву только к обеду прибудем... У меня еще не было таких, как ты... Ты другой... Ты женат?

– Нет...

– Что, серьезно? Ты один? – Она приподнялась, уставилась в его мерцающие глаза.

– Это проблема? – не понял Алексей. – Одного на ковчег не пустят? Не сложилось с брачной жизнью, такое бывает...

– И у меня не сложилось... – вздохнула Юля. – Замуж выскочила в восемнадцать, есть дочь в Красноярске, есть мама там же, есть развод в паспорте... Училась в Институте инженеров железнодорожного транспорта, пришлось уйти в связи с рождением ребенка... Три года работаю в поездной бригаде, поступила на заочный... Я добыю этот проклятый институт, чего

бы ни стоило... В жизни все просто, скучно, две недели мотаюсь по стране – осточертели эти рельсы. Неделью – дома, не даю ребенку забыть, что у него есть мама, выслушиваю нарекания матери, которая в мое отсутствие «строгает» ребенка под себя... А ты о себе ничего не скажешь?

– Нечего сказать, – буркнул Алексей. – Жизнь такая же серая, без ярких пятен...

– Ты постоянно с чемоданчиком. Боишься оставлять его в купе, носишь с собой даже в тамбур, когда куришь... Это дипломатическая почта? Ты наркокурьер?

– Киллер экстра-класса, – усмехнулся Алексей. – Выполняю важное правительственное задание.

– У правительства есть киллеры? – удивилась Юля.

– А у кого их нет? – Он так зевнул, что зазвенело в ушах. – Военный я, всего лишь военный, не пугайся, – погладил прильнувшую в нему головку. – Вернее, был военный. Теперь в запасе, еду домой, живу в глухой провинции, в Мирославском районе. В кейсе документы, которые жалко потерять, сменная пара белья, чистые носки...

– Ты такой загадочный молодой человек... – жарко зашептала Юля.

Алексей неумолимо погружался в сон, но часть сознания продолжала бодрствовать. Привычка – вторая натура. Не раз спасала жизнь, помогала искать выход из запутанных положений. Недремлющий ангел-хранитель всегда был начеку, отправлял по мере необходимости импульсы в мозг. Но, к сожалению, не помогал своему хозяину в личной жизни и строительстве карьеры... На кейс в ногах никто не покушался. За пределами купе всю ночь что-то происходило. Бубнили пьяные люди, была еще одна длинная остановка. Юля несколько раз выбегала из купе, с кем-то ругалась, выполняла свои обязанности. Возвращалась и снова забиралась к нему под бочок. «Хорошая девушка, – лениво подумал Алексей, погружаясь в пучины Морфея. – Устает на работе сильно...»

Очнулся он в шестом часу утра. Вагон еще спал. Спала проводница, обняв его за плечо. Ночная беготня утомила девушку – она не проснулась, когда он встал с кровати. Алексей посмотрел на нее с каким-то сожалением: обычная история, сначала очаровываем людей, потом разочаровываем, – тихо оделся, забрал кейс и шмыгнул в коридор. Первым делом направился в туалет, который был рядом. Пристроил чемоданчик на крышку унитаза, сполоснул лицо. С неодобрением уставился на опухшую со сна физиономию. Провел пальцами по щеке – длина щетины соответствовала трехдневному воздержанию от бритвенного станка. Потом пристроил на раковину кейс, открыл. Все лежало на месте – в непрозрачных пакетах. Книжка Сбербанка на полтора миллиона рублей, сто тысяч отечественных «деревянных» – на первое время, двадцать тысяч долларов США, десять тысяч евро. Вроде много, но это все, что скопил за десять с лишним лет службы. Банковские карты Алексей не любил – относился к ним с недоверием. Предпочитал «естественный» способ хранения – «налом», под рукой. В крайнем случае счет в банке, который в годы кризиса разорится в последнюю очередь – заодно с контролирующим его государством. Под первым слоем содержимого находился второй. В отделении, застегнутом на молнию, – два ордена Мужества, медаль «За боевые заслуги», несколько ведомственных медалей, наградной пистолет Макарова и самая важная часть «коллекции» – снайперская винтовка «Винторез» в разобранном виде. Он провел рукой по упрятанным в пазы элементам изделия, усмехнулся. Он не киллер на службе государства, но вполне мог им стать, поскольку владел этой штукой в совершенстве. Бесшумная снайперская винтовка для подразделений специального назначения. Увесистый приклад из светлого дерева, три магазина на двадцать патронов девятого калибра. Прицельная дальность – четыреста метров по ростовой мишени. Два прицела в комплекте: дневной оптический и ночной электронный. Пришлось попотеть, вывозя из части «Винторез» с боеприпасами. Дело, в принципе, подсудное, хотя заслуженный майор спецназа имел все шансы выкрутиться – ствол списали и якобы утилизировали. Подсуетился начальник службы ракетно-артиллерийского вооружения отдельного

батальона бригады ГРУ, к которому несколько месяцев была прикомандирована группа майора Воронича. Он кое-чем был обязан Алексею. Удивлялся, совершая подлог: на хрена майору на «гражданке» эта штука. Вроде не бандит, не тип с криминальными наклонностями. Продать хочет? Память о службе? Уток стрелять в плавнях? Не ваше дело, товарищ капитан, вы давайте, мухлюйте...

Он выбрался из туалета в обнимку с кейсом, на цыпочках отправился к себе в купе. Дверь, слава богу, не заперли. Сквозь занавески просачивался мутный утренний свет. Слева на нижней полке храпел командированный Лопухин. Справа, укрывшись простыней, спала пожилая женщина, проевшая дыру в черепе своим взглядом. Он закинул чемодан, полез на полку, стараясь не отдавить постную физиономию Лопухина. Обнял подушку и мгновенно уснул.

И началось – все как в жизни! События годичной давности вставали перед глазами, обрастая пугающей реальностью. Впрочем, элементы фантастики присутствовали: закат был необычно багряный, не бывает такого. Горы – высокие и страшные, тучи – как бараньи курдюки. Солнце садилось слева в ущелье – на западе небо было чистое. Над головой же теснились тучи, и эта картина – одновременно багровый закат и клубящаяся мгла над ущельем – создавала фантазмагорию, такое увидишь не каждый день. Вроде бы Россия, своя земля, Северный Кавказ, а ощущение, словно угодил на другую планету...

Группа майора Воронича рассредоточена в засаде на крутом южном склоне, поджидает вражеский караван. Внизу прямой участок от изгиба до изгиба ущелья. Тропа петляет между горами камней. Кусты, страшноватые уродливые деревья, вцепившиеся корнями в каменистую почву. Голые участки чередуются мешаниной булыжников и горной флоры. У всех коммуникаторы в ушах, бойцов не видно, попрятались, слились с ландшафтом. На востоке, на дальнем склоне, – пост раннего обнаружения противника. Прапорщик Торгуев. Остальные здесь: слева – пулеметчик Белоусов, снайпер Рыбенко. Справа – сам Воронич, лейтенанты Васильев, Зимин. Внизу, недалеко от тропы, еще двое – прапорщик Кудрин и лейтенант Барков. У одного пулемет, у другого гранатомет РПГ-7. По ущелью дует сильный ветер, предвестник чего-то, еще минуту назад его не было. Гнутся деревья, с кустов сшибает листву. Опускаются черные коршуны, выются кругами – а этим-то чего надо? Алексей знает, что сейчас произойдет – это не просто сон, а сон, основанный на реальных событиях, – но не может повлиять на события. Он – заложник сна, простой статист, видел его уже чертову уйму раз, но всякий раз молит бога, чтобы все пошло по-другому! Ведь в его власти менять ход событий, иначе какой он бог...

«Рыбенко, ногу задвинь, – ворчит он в микрофон. – Чего разлегся, как на лужайке перед Букингемским дворцом?» Ветер не унимается, с крутого северного склона катятся камни, выпадают на тропу, поднимая пыль. Камнепад небольшой, локальный, ограничен квадратными метрами. «Командир, я вижу их! – взволнованно сообщает Торгуев. – Идут с востока, выдвигаются из-за изгиба ущелья. Груз на арбах, мулы, лошади – дехкане, мать их... Их много, командир, больше, чем мы думали, в повозках пулеметы, гранатометы, вижу ПЗРК «Стрела»... Вижу четыре арбы, но это не все...»

«То, что их много, – это мы как-нибудь перекурим, – добродушно бурчит в переговорник прапорщик Кудрин. – Пять минут работы – и станет мало, делов-то...»

«Пошли мы раз на шухерное дело...» – поет, акцентируя блатные нотки, лейтенант Белоусов.

«За бакалейной лавкой выставили стрел...» – поддерживает его лейтенант Зимин.

«Я требую внимания и тишины, товарищи офицеры и прапорщики, – ворчит Воронич, – в противном случае буду наказывать. Эй, на стреме... тьфу!.. Торгуев, твоя задача блокировать отступление противника, если попытаются рвануть назад. Считай их – количество транспортных средств, штыков, вооружения. Пусть проходят мимо, не высывайся».

Банда идет из Грузии, заправляет походом некий Махмуд, давший присягу на верность «Исламскому государству». Тип упертый, несговорчивый, яростный приверженец всемирного халифата. С Махмудом – отъявленные головорезы. Приказа брать живыми не было, эти ребята опасны даже в тюрьме. Банда должна быть полностью уничтожена...

Торгуев докладывает: в банде не меньше тридцати рыл, шесть повозок, груженных оружием. Боевики идут рядом с арбами, они осмотрительны и насторожены. Махмуд здесь, в районе второй повозки, говорит с кем-то по телефону...

Вот они возникают в поле зрения, выходят на сцену. Лошади, мулы тащат подводы. Боевики идут по обочинам – увешанные оружием, бородатые, страшные. Какая старая добрая классика... Двигутся медленно, поскрипывают ржавые колеса. Закат ненормально ярок, бородатые рожи озарены багрянцем. «Огонь!» – командует Алексей. Шквал свинца устремляется на дно ущелья! Дважды ухает гранатомет, взрываются ведущая и замыкающая повозки. Узкую ленту долины окутывают клубы дыма. В дыму мечутся боевики, орут страшными головами, пытаются отстреливаться. Спецназ не высовывается, методично расходует боезапас. Две телеги пытаются развернуться, но замертво валится лошадь, арба перевертывается, перегородив проезд. Падают боевики, наспигованные свинцом. Кто-то залегает, выискивает на склоне спецназовцев. Пули стучат по камням – совсем близко. Бойцам приходится менять позиции, перекатываться. Шквал огня спадает. Но тут вступает в работу пулеметчик Белоусов, сменивший магазин. Снова пыль столбом, вопли, стоны раненых. Несколько человек пытаются вырваться из западни, бегут, пригнувшись, но попадают под шквальный огонь и падают один за другим. Красное облако опускается на ущелье – плотное, насыщенное газовыми разрядами. Алые сполохи пляшут по склону ущелья, раскрашивают кумачом прилипшую к нему растительность и каменные террасы. Оставшиеся боевики укрываются за перевернутыми телегами, за трупами животных. Дергает копытами мускулистый жеребец, умирает мучительно, неохотно, обливает пространство кровавой пеной. Валяются мертвые и раненые боевики. Подрагивает в корчах обгоревшее тело. Из банды уцелели несколько человек, они ожесточенно отстреливаются. Кто-то умудряется выстрелить из гранатомета. От взрыва на склоне закладывает правое ухо. Справа сыплются камни – мелкие, крупные, вырванные с корнем кусты. Катится, болтая конечностями, словно кукла, набитая бисером, лейтенант Васильев. Бронежилет порван в клочья, в животе дыра. Он падает на дно ущелья, разбросав руки, сверху в него вонзается остроконечный булыжник... Алексей с трудом приходит в себя, изображение рябит, звуки рывками – словно пленку видеокассеты старательно пережевывают. В соседнем укрытии скалится лейтенант Зимин – вернее, голова лейтенанта Зимина, с которой срезана затылочная часть. Сам лейтенант лежит в стороне – граната попала практически в него, верхняя половина туловища обуглена, ноги подрагивают, словно им нужно куда-то бежать...

Он орет благим матом, но не слышит своего голоса. Состояние мерзкое: не очень жив, но и не очень мертв. В атаку, добить вурдалаков! Он съезжает с горки, катится дальше, в кусты. За ним несутся выжившие: Белоусов, Рыбенко. Стреляют на бегу, бросают гранаты, от взрывов пронзительная боль вспарывает ушные раковины. Выскакивают из укрытий Кудрин, Барков. Оживает РПК на дальнем склоне – Торгуев подтянулся. Алексей вырывается вперед. Навстречу поднимаются двое бородачей с искаженными рожами, но валятся замертво, набитые пулями. Из дыма вылупляется еще один – здоровенный, косматый, с налитыми кровью глазами. Верный воин Аллаха, мать его за ногу! Патроны, видимо, кончились, он выхватывает из-за пояса устрашающих размеров мачете, с рыком бросается вперед. Черный рот разинут, что-то орет. Лезвие рассекает воздух. «Сейчас и ты останешься без головы», – мелькает мысль. Алексей выпускает в басмача длинную очередь, но стрелять бесполезно – пули отскакивают от Махмуда, как резиновые! Бандит гогочет, уже подлетает. Нет возможности увернуться, ноги словно ватные, руки не слушаются – он не может поднять автомат. Да и толку стрелять? Басмач орет, как

глашатай на городской площади: «Аллаааа!!!» И Алексей орет. Боевик уже заносит мачете, чтобы рубить его бестолковую голову!..

Он проснулся в холодном поту от собственного крика. Судорога в теле – чуть не сверзился со своей верхней полки! Засунул кейс под голову, перевел дыхание. Вагон подрагивал, расстояние до столичного региона неуклонно сокращалось. Семь часов утра. Кричал, что ли? Он осторожно глянул вниз. Попутчики неподвижно сидели на полках и молчали. Женщина снова прожигала его взглядом. Косил робким глазом командированный Лопухин.

– Извините, – буркнул Алексей, – со мной бывает.

Он отвернулся к стене, закрыл глаза. Жизнь пошла как-то набекрень, он уже ничего в ней не понимал. Грузился воспоминаниями каждый день. Часто вспоминал родное село Затешу Мирославского района Ярославской области, какие-то узловые точки биографии. Все, что было между ними, превращалось в сито, куда проваливались воспоминания. Он путался в хронологии, с трудом вспоминались лица, фамилии. Срочная служба, контракт (пожил перед ним полгода на «гражданке» – не понравилось). Военный институт в славном уральском городе, какие-то дальние сибирские гарнизоны. Служба на Кавказе, два ранения, с промежутком в полгода (оба легкие, но крови выпили немало и до сих пор аукались). Контузия пять месяцев назад, после которой перевели в Хабаровск, а потом и вовсе уволили в связи с сокращением штатов. Сокращение действительно происходило, на заслуги увольняемых особо не смотрели, от контуженных и перенесших ранения предпочитали избавляться в первую очередь. Давали повышенную пенсию, какие-то грамоты, медали – и отправляли в «почетный» запас. В Хабаровске снял квартиру, решил пожить, осмотреться, может, на вахту куда-нибудь пристроиться, без разницы – нефтяником, моряком. Но не срослось – пик кризиса, работы не было, а если что-то предлагали, то зарплаты смешные. Все чаще вспоминалось родное село Затеша, поднимались из могил родители, смотрели на него с укором. Оба скончались четыре года назад – у отца случился инфаркт, когда возил дрова с лесозаготовок, медики в глухомань прибыли поздно, тело уже остыло. Мама не смогла без отца – жила с ним с восемнадцати лет, он стал неотъемлемой частью ее жизни, и вот лишилась главного стимула к существованию. Пыталась как-то жить, но быстро зачахла, превратилась в привидение, а однажды просто не встала с кровати. Алексей примчался на похороны. Все было достойно – солнечное место на кладбище, щедрые поминки, памятник, ограда. Недельный запой, из которого его вытаскивал сосед Виктор Павлович Маслов, недавно ушедший на пенсию. Заботам Маслова и поручил свои владения, когда засобирился обратно в часть. «Пользуйся, Виктор Павлович, будь как дома, можешь картошку посадить. Не забывай присматривать только»...

Несколько дней назад Алексей твердо решил начать новую жизнь. Увольнение (как и развод) – не конец света, после него тоже живут. Он молод, полон сил, имеет свой дом, способен зарабатывать. А главное, куча личного времени на созидание чего-нибудь доброго и вечного...

Соседи внизу что-то бубнили. Алексей прислушался. Лопухин костерил жену, которую на двадцать пятом году брака потянуло на приключения. Изменяет ему и даже не скрывает. А он всю жизнь в работе, тянет на себе весь воз, покупает продукты, оплачивает счета. А эта тварь живет на всем готовом, спуталась с соседом со второго этажа, бежит к нему. Ну, конечно, он приходит поздно, весь загруженный.

«А чего ты хотел? – лениво подумал Алексей, пытаясь уснуть. – Женщины – тоже люди. Им не только зарплата мужа нужна, но кое-что еще, чем не каждый мужчина может похвастаться».

Бормотание раздражало. Лопухин бубнил, как шарманка. Хоть бы знаки препинания иногда делал! Сон уже не шел. До прибытия в Мирославль оставалось три часа. Ожидание превращалось в пытку. За стенкой возилась проводница, вздыхала. Их разделяла тонкая перегородка, но не хотелось туда идти, не стоило усугублять. Девушка понравилась, в том и проблема. У каждого своя дорожка, пусть топчут ее, а в чужую колею не лезут... В итоге он не выдержал,

спустился. Соседи замолчали. Женщина уставилась на него, Лопухин смущенно отвернулся. Алексей отправился чистить зубы. Потом стоял в коридоре, разглядывая перрон очередной станции. Входили и выходили пассажиры. По коридору двигалась тетка в железнодорожной форме – хмурая, сосредоточенная, видимо, бригадирша. За теткой семенила Юля со скорбной мордашкой. Проходя мимо Алексея, погладила его по спине, потом обернулась и посмотрела с печальной улыбкой. Он тоже улыбнулся и побрел в свое купе, гадая, как бы еще убить время.

Попутчица пила чай с сушками. Повернула голову, нахмурилась. Лопухина не было – прохладился в очереди в туалет. Алексей сел за столик на место Лопухина. Женщина сглотнула, быстро проглотила разжеванную сушку. Настало время откровений.

– В Москву едете? – вкрадчиво спросил Алексей.

– Да, в Москву. Моя фамилия Малиновская, зовут Анна Петровна.

Алексей напрягся – фамилия показалась знакомой.

– У меня в Москве дочь Екатерина, – вещала женщина каким-то механическим голосом. – Ей тридцать три года, у нее хороший муж, хорошая квартира на Большой Ордынке. Муж неплохо зарабатывает, есть двое детей – девочки четырех и пяти лет. Позвали меня в гости, показать, как они живут... Недавно купили дачу в Подмосковье, съездили отдохнуть в Европу, у Кати все хорошо...

– Безумно рад за вас и ваших родственников, Анна Петровна, – пробормотал Алексей, покосившись на дверь, – но, может, объясните, при чем тут я? Вы так смотрите на меня, словно я сжег ваш дом. Уверен, мы никогда не встретимся...

Он не закончил фразу, сработало что-то в памяти, и щеки загорелись. Вот же, черт возьми!.. Женщина, внимательно наблюдавшая за его реакцией, удовлетворенно кивнула.

– Да, я изменилась за двенадцать лет. А вы никогда в меня особо не всматривались, Алексей... Катюша тоже изменилась, но в лучшую сторону... Теперь вы вспоминаете ту историю, я не ошиблась? Катюша влюбилась в вас без памяти, она была такой наивной, доверчивой, а вы так импозантно смотрелись в своей курсантской форме. Задурили голову, из-за вас она институт бросила, про все забыла... Вы обещали на ней жениться, подали заявление, уже назначили день бракосочетания. Бедная девочка всю ночь примеряла свадебное платье, плакала от счастья. А на следующий день вы просто не пришли на регистрацию. Через день прислали письмо с невнятными извинениями. Моя девочка чуть не покончила с собой, полгода у нее тянулась жуткая депрессия... А вы пропали, даже и не вспомнили про нее. А ведь мы отговаривали ее от этой связи, убеждали, что ничего хорошего не выйдет. И хорошо, что она не вышла за вас. Я бога молю, что сейчас у нее все хорошо... Но я отлично вас запомнила, у меня остались ваши старые фотографии...

Алексей готов был провалиться сквозь землю. Катюшу Малиновскую он иногда вспоминал. Действительно некрасиво вышло. Но он тоже психанул, была причина. Какой линии защиты будете придерживаться, товарищ майор?

– Хоть совесть не прокутили, способны еще краснеть, – мрачно резюмировала Анна Петровна. – Да, мы жили на Урале, там вы обучались в своем военном вузе. После жизнь разбросала, Катюша собралась с силами, окончила институт, уехала в другой город. Мы с мужем тоже были вынуждены переехать...

«Почему же вам дочь с зятем билет на самолет не купили, заставляют тащиться в поезде через полстраны?» – чуть не ляпнул он, но прикусил язык. Ежу понятно, что не все так гладко и безоблачно.

– Вам ведь не повезло в личной жизни? – злорадно вымолвила женщина. – Можете не спорить, по вашим глазам вижу, что вы не преуспели. Это вас бог наказал, Алексей... Вы и сейчас продолжаете беспутный образ жизни. Неизвестно, где провели всю ночь, хотя я догадываюсь где. У вас оцарапано лицо, вчера этого не было...

– Вы не в курсе обмана вашей дочери? – попытался он смыть с себя хоть часть грязи. – Сказала, что залетела... в смысле, беременная, потому и подали заявление. А перед свадьбой я случайно узнал от ее знакомых, что Катюша наврала, не было никакой беременности. Просто обманула, чтобы привязать меня к себе, – как вам это нравится?

– Ну и что? – возмутилась женщина. – Моя дочь сражалась за свою любовь!

Он чуть не поперхнулся, стал кашлять. Женская логика зверствует независимо от возраста. К чему слова? Кто не грешил по молодости? Ну да, случались в биографии эпизоды, которыми трудно гордиться.

Откатилась дверь, ввалился Лопухин, и Алексей безропотно полез наверх, отвернулся к стене. Пусть смотрит, ему плевать. Мать обязана быть на стороне дочери. Он лежал с закрытыми глазами, вспоминал женщин, коим посчастливилось побывать в его постели. Первая – Варвара Кружилина, жили в одном селе, ходили в школу поселка Монино, что в трех верстах от Затешки. Однажды так устали за день – а дело было в десятом классе, – что прилегли в стожок на поле между Монино и Затешкой... Тоже обещал жениться и не сдержал обещания. Последняя – сегодня ночью, хорошенькая, веселая, хотя и немного грустная проводница Юля. А сколько было между ними – стыдно, майор, стыдно...

Он поворочался, опять спустился вниз и уселся рядом с дверью. В купе вторглась Юленька, забрала пустые стаканы. Украдкой глянула на него, изобразив глазами: на выход, товарищ. Он поднялся под исполненным легкого презрения взглядом Анны Петровны, вынул из пачки сигарету – типа покурить. Уже вышел в коридор, как она бросила в спину:

– Чемодан свой забыли!

Алексей вспыхнул, но вернулся, безмолвно забрал кейс. Постучаться в соседнее купе он даже не успел. Отворилась дверь, проводница втащила его внутрь, стала осыпать поцелуями и зашептала:

– Все, мой милый, ты скоро выйдешь, поедешь в свою деревню, мы больше не встретимся... У меня еще есть дела до прибытия в Мирославль, увидаться не сможем... Жалко, но такова жизнь... Знаешь, я оптимистка, всю жизнь меня обламывают, а я верю во все хорошее... Возьми, – сунула она ему какой-то рекламный листочек, – там мой телефон и адрес в Красноярске. Понятно, что не позвонишь, но все равно буду верить и ждать, так легче.

– Я позвоню, Юля, – пообещал он.

– Конечно, позвонишь. – Девушка старательно прятала навернувшиеся слезы. – Ты обязательно позвонишь, Алеша. Может, через год, два. Я буду ждать, не забуду тебя...

Глава вторая

Алексей вышел на платформу со смешанными чувствами. Хватит, на волю, в пампасы! Он будет жить, и непременно счастливо! Махнула проводница, отвернувшись, забирая билеты у лезущих в вагон пассажиров. Из окна в спину смотрела женщина – он даже споткнулся. Смешался с толпой на перроне, зашагал к мосту, переброшенному через пути. И только взобравшись наверх, вдохнув полной грудью, избавился от груза прошлого. Свежий ветер «малой исторической родины» кружил голову. Он шел по мосту и таращился во все стороны. Под ногами бурлила станция Мирославль-2, пыхтели маневровые тепловозы, медленно тянулся товарный состав. На перроне у свежевыкрашенного вокзала, увенчанного остроконечным шпилем, толпились люди, работали киоски. На привокзальной площади, куда он спустился с виадука, суеты прибавилось. Толпились люди на остановке, гудели в заторе легковые машины. Здесь все изменилось. В городе жили те же сто двадцать тысяч населения, но он уже не выглядел захолустным провинциальным городишком. Откуда-то взялся здоровый торговый центр – парковка перед ним была забита машинами. На другом конце площади пропали старые бараки, выросли массивные «свечки», сверкающие стеклом и бетоном. Улица Подъемная – главная городская магистраль, упирающаяся в площадь, пестрела клумбами и рекламой. Город изменился до неузнаваемости – хотя, возможно, только центр...

Под мостом его уже встречали. У края тротуара стояла бордовая «четверка» с распахнутыми дверцами. Виктора Павловича Маслова он узнал сразу: худощавый улыбчивый пенсионер среднего роста. Еще не старый, подвижный, в модных джинсах и расстегнутой жилетке – он первым вышел навстречу. Обнялись.

– Ну наконец-то, соседка, здравствуй! – Маслов действительно был рад, улыбался от уха до уха, хлопал по спине.

– Приветствую, Виктор Павлович!

Настроение поднималось, а когда из «четверки» выбрался еще один мужчина, резко подскочило вверх. Плотный в кости, кряжистый, с жестким «ежиком» на голове, того же возраста, что и Алексей. Он растопырил объятия, игриво поманил пальчиком.

– Борька! – воскликнул Алексей. – Борька Черкасов! В натуре, как живой, чертяка!

– Так я и есть живой! – хохотал старинный школьный друг, тиская Алексея в медвежьих объятиях. – Явился в родные пенаты, не запылелся! Ну, привет, бродяга! Вроде нормально смотришься. – Он принялся его обхлопывать, вертел, разглядывая со всех сторон. – Плечи на месте, глаза живые, светишься, как в ультрафиолете...

– Вы что, мужики, специально за мной приехали? – спросил Алексей.

– Специально, специально, – проворчал Маслов. – Сам же позвонил, сообщил, когда и на чем. Добро пожаловать в карету, сосед. Давайте, мужики, рассаживайтесь, здесь вроде стоять нельзя...

– Да не спеши ты, Палыч, – хохотнул Борька Черкасов, – дай выпить с человеком – на дорожку, так сказать!

Такой фокус не вышел бы и у факира. Не успел Алексей глазом моргнуть, как в одной руке Черкасова возникла бутылка водки, в другой – два пластиковых стаканчика.

– Ну, начинается, – начал возмущаться пенсионер. – Борька, ты никак не можешь без этого. Видишь, человек домой рвется...

– Как старик к золотой рыбке! – веселился Черкасов. – Ладно, Палыч, уймись, тиран-ветеран ты наш, мы быстро. Давай в машину, Леха, держи стакан...

Все трое сели в «Жигули» – Маслов на водительское место, остальные назад. Напиток не самых изысканных сортов (водяра в Мирославле всегда была суровая) обжег горло. Не успел продохнуть, закусить предложенным огурцом под недовольное брюзжание Маслова, как,

откуда ни возьмись, объявился патрульный «УАЗ», встал впритык к переднему бамперу! Распахнулись дверцы, вылезли двое с сержантскими лычками, подошли, поигрывая дубинками. У одного за спиной болтался коротыш-автомат, у другого на ремне красовалась кобура. Глазастые какие, мысленно чертыхнулся Алексей.

– Употребляем, граждане? – зловеще прогудел мордастый сержант, склоняясь над раскрытым окошком. – И стоим в неположенном месте, мешаем прохожим? А ну, выходи из машины!

– Командир, ты охренел? – взвился Черкасов. – Какого надо? Мы к тебе лезли? Стоим, никого не трогаем, сейчас поедem. Водитель же не пьет...

– Вылазь, кому сказано! – разозлился второй. – Ориентировка на вас и вашу машину!

– Да не свисти, какая ориентировка? – продолжал возмущаться Борька, но на всякий случай начал выбираться из салона. Провинциальная полиция никогда не отличалась добродушием и светскими манерами.

Его схватили за шиворот, вывернули руку, швырнули лицом на задний капот, тычком ботинка заставили раздвинуть ноги.

– Эй, алё, вы что творите, демоны? – возмущался Черкасов. – Мы что вам сделали?

Маслов благоразумно помалкивал. Алексей, нахмурившись, вышел со своей стороны. К нему уже устремлялся от «УАЗа» третий член экипажа – с теми же знаками различия.

– А ну, стоять, ретивый! – Воронич выстрелил ему в физиономию красными корочками.

Сержант насупился, сбавил обороты. Подошел, поколебавшись, осторожно, словно мину, взял удостоверение, вчитался в содержимое.

И как-то быстро все встало на места. Он подал знак своим – отваливаем! Коллеги неохотно отвязались от Черкасова, ретировались, уселись в «УАЗ». Машина пофыркала мотором и слиняла.

– Тьфу, кретины... – чертыхнулся Черкасов, потирая потянутую руку. – Ориентировка у них, как же... Слушай, а что это было? – Он хлопнул глазами и пристально уставился на приятеля.

– Садись, поехали, – хмыкнул Алексей, забираясь в машину. – Если хочешь, посмотри «ксиву». Майор ГРУ... Все в прошлом, мужики, просто удостоверение еще не сдал. В Центральное управление надо ехать, порядок такой.

– Ни хрена себе, – присвистнул Маслов. – Да ты, сосед, не просто так. Майор ГРУ – это тебе не хухры-мухры, покруче ФСБ...

– Поехали, мужики, поехали, – поторопил Алексей, на них уже поглядывали. – Заводи коня, Палыч! И тормозни у какого-нибудь приличного супермаркета, сбегаю на десять минут...

Возбуждение прошло, посмеивались, выбираясь по улице Подъемной из города. Движение было плотное, но Виктор Павлович уверенно лавировал в потоке, обдавая соседей по трафику ядовитым выхлопом. Вдали от центра реклам и вывесок стало меньше, город обретал узнаваемые черты.

– Сурово тут у вас, мужики, – заметил Алексей, переводя дыхание после второй дозы. Сделал знак Черкасову: хватит пока, не будем нервировать водителя, тому тоже хочется.

– Ага, это тебе не в окопах сидеть, – согласился Борька. – А ты серьезно в ГРУ служил?

– Ну, извини, – развел руками Алексей. – Куда Родина послала, там и служил. Но все в прошлом, уже не нужен Родине, исполнил свое предназначение.

– Помню, ты так мечтал стать военным, – вздохнул Черкасов. – Вот и стал, на свою голову... Извини, Леха. Ты не обижайся, это одна из насмешек жизни: получаешь то, что хотел, и понимаешь, что хотел не этого...

– Дурында ты, Борька, – проворчал Виктор Павлович, – именно этого он и хотел, да вона как вышло...

– Страна такая, – буркнул Черкасов. – Не мы виноваты – система виновата. Если что и угрожает стране – то ее же собственное государство.

– А ты все такой же диссидент? – спросил Алексей. – Вечно всем недоволен?

– Он такой, – усмехнулся Маслов. – Все не так, страну продали, экологию угробили, весь мир против него ополчился...

– Да не такой я, – смутившись, отвернулся к окну Черкасов, – просто находит иногда. Да и в жизни все наперекосяк...

На окраине остановились у супермаркета. Алексей отлучился на пятнадцать минут, вернулся, бросил сумку с покупками в багажник. Спутники ковырялись в моторе, который при подаче топлива издавал подозрительные звуки.

– Моя-то тачка в порядке? – спросил он.

– Так у тебя же «Тойота», – резонно отозвался Черкасов. – Что ей сделается на двадцатом году жизни? Бегаёт, как новенькая. Извиняй, Леха, я иногда ею пользуюсь – на рыбалку там, на пасеку. Ты же не в претензии? Зато масло поменял, антифриз новый залил.

– Да ради бога, – фыркнул Алексей, – катайся, сколько хочешь, только не разбей. Я не понял, мужики, мы сломались?

– Все нормально, садитесь. – Маслов с треском захлопнул капот. – «Косячит» ласточка, но пока бежит. А она постарше, между прочим, твоей «Тойоты» будет.

Выехали из города по Афанасьевской улице, взяв курс на северо-запад. Эту дорогу в родное село Алексей помнил наизусть. Асфальт стал похуже, дома пониже. Он высунулся в окно, с наслаждением подставляя лицо ветру. Тянулись поля, перелески, редкие сельскохозяйственные угодья. Сколько лет и сколько зим он тут не был? Каждый перелесок, каждый ложок был знаком. Выросли новые автозаправки, какие-то «Охотничьи заимки», «Лесные лавки» со столиками на выносных верандах. А в остальном мало что изменилось. Дубовая аллея, асфальт стал ровнее, потянулись высокие заборы – внутри за деревьями угадывались очертания помпезных особняков. У ворот в парковочных карманах стояли дорогие машины.

– В столице Рублевка, а у нас – «Сторублевка», – пояснил Маслов. – Местные так столичное шоссе называли. ТутOSHня знать себе коттеджи строит. Все чиновники высокопоставленные... Озера уж больно красивые в этом районе – ты должен помнить. Они вон там, за Куликовым бором. Долина Нищих называется. Ты знаешь, какие деньги крутятся в районе?

– Снова слуги воруют? – ухмыльнулся Алексей. – Их сажают, а они воруют? И куда смотрит надзорное ведомство?

– Позорное ведомство, – фыркнул Черкасов. – Да ну их к черту! – махнул он рукой. – У этих ребят все в офшоре и в ажуре. Другой мир, другие деньги. Не будем о них – о чиновниках либо плохо, либо ничего. Рассказывай о себе, Леха.

Он рассказывал, но недолго – нечего было рассказывать. А то, что представляло интерес, являлось военной тайной, раскрывать которую он не имел права. Жизненный этап закончился решительно и без «хвостов». Со службой покончено, ни семьи, ни постоянной женщины...

– Лучше вы рассказывайте, мужики. Как живете? Что творится в районе?

– У нас, как везде, – пожал плечами Виктор Павлович. – Работы в районе нет, цены поднимаются с колен. Никаких, как говорится, резонансных коррупционных преступлений – по-тихому люди мышкуют, научились не зарываться и помнить, что ближний тоже чего-то хочет...

– Да все по-старому, приятель, – сладко потянулся Черкасов. – В Мирославле еще чувствуется веяние времени – какая-то коммерция, строительство, «бабки» крутятся. В Монине – мы скоро будем проезжать через него – все как было, кроме пафосного торгового центра, который на хрен никому не нужен. А уж в нашей Затеше – и вовсе тоска тоской. Раньше какие-то гулянки были, собирались люди, время проводили, а сейчас каждый у себя за воротами сидит, живет, как отшельник, в норе...

Похвастаться им действительно было нечем. Виктор Павлович прозябал на пенсии. До этого трудился на Старицком озере – заведовал лодочной станцией, туристическими маршрутами этого направления, работал со специалистами, изучающими флору и фауну уникального водоема, примыкающего к Затеше. Восемь лет назад он потерял сына – старший лейтенант Вячеслав Маслов командовал взводом разведки на Северном Кавказе. Взвод попал в засаду, Маслов с двумя бойцами прикрывал отход. Попал, контуженный, в плен, принял мученическую смерть. Товарищи за него отомстили, но для убитых горем родителей это было слабым утешением. Зоя Филипповна не снесла удара, скончалась в ту же осень. Виктор Павлович похоронил обоих на деревенском погосте, жил дальше. Перед выходом на пенсию привез в свой дом из Мониной новую женщину, но и тут случилась трагедия – уже больная была, тихо угасла, переселилась на то же кладбище и под ту же березу... Но пенсионер не опускал руки, ремонтировал дом, иногда подрабатывал – возил грузы на своей старенькой «жульке». Следил за домом Алексея, косил сорняки, занимался мелким ремонтом ветшающих конструкций...

У Борьки Черкасова жизнь тоже сложилась неважно. Сначала процветал – хороший дом в Затеше, жена – красавица Верка, машина. Каждый день мотался на работу в Мирославль, где служил в районном управлении МЧС. Руководил аварийно-спасательной группой – выезды на ДТП с тяжкими последствиями, мелкие чрезвычайные ситуации, пожары, потопа, обрушения строительных конструкций. Был высококлассным специалистом, мастером на все руки. Сгубила жизнь единственная пьянка – накануне приезда высокопоставленного чина из столицы. И все стремительно полетело под откос: понижение в должности, увольнение. Выпивший попал в аварию, разбил машину, сам на несколько месяцев загремел в больницу – хорошо, что не в кутузку. Красавица Верка не стала дожидаться, что в дом вернется безбедная жизнь. В один прекрасный день Борьку поджидала записка: уехала к другому, деньги с карточки сняла, извиняться не буду, и вообще катись к черту... Черкасов запил и пил четыре дня и четыре ночи, пока однажды на рассвете не выбросил тлеющий окурок мимо пепельницы. Попутно взорвался газовый баллон, и дом горел красивым синим пламенем. Мигом протрезвев, он вылетел из окна и кинулся тушить, благо бак с водой и помпа имелись. Сельчане прибежали помогать, худобно, потушили. Приехали коллеги Борьки, покрутили пальцами у виска и отбыли восвояси. Сгоревшую часть дома он отстроил в рекордно сжатые сроки из имеющихся материалов. Возможно, и к лучшему – мысли о конце жизненного пути больше не посещали. Занялся огородом, вырыл бассейн, сам приобрел «товарный вид». Появлялись какие-то женщины, но ничего серьезного. Завел пасеку за пригорком в Звонящей роще – в семистах метрах от Затешы, обзавелся помощником – дедом Поликарпом, которому на пенсии все равно нечего делать. Как-то выкручивался, освоил пасечную науку, начал продавать в район мед крупными партиями...

– Да все нормально у нас, Леха, – уверял Борька, вожаком поглядывая на ополовиненную бутылку водки. – Живем, приспособились, вся деревня так живет. Многие уехали, конечно, из Затешы, но те, кто остался, выживают.

– Палыч, а что с озером? – спросил Алексей.

Вопрос был не праздный. Старицкое озеро – единственная достопримечательность местности, где располагалась деревушка Затеша. Зато какая достопримечательность! Оно примыкало к деревне с севера, поджатое со всех сторон красивым черничным бором. Фактически не озеро, а целая система озер, соединенных между собой протоками. Водоем имел причудливую, вытянутую на север конфигурацию. Берега – обрывистые, пологие, где-то скалы нависали над водой, где-то настоящие мангровые заросли. Это были водные лабиринты, где сам черт ногу сломит. Даже не всякие старожилы, считавшиеся знатоками Старицкого озера, могли похвастаться, что видели его ВСЁ. Обойти по берегу это чудо природы было невозможно, исследовать все протоки – тоже затруднительно. Про озеро испокон веков слагались страшные легенды: про русалок, каких-то жутких существ, обитающих на дне. Но карпы в озере клевали исправно – в те времена, когда их разводили. Лодочная станция под Затешей была не маленькая. Сюда

приезжали туристы из города, устраивались познавательные экскурсии на лодках и катамаранах, работал целый научный штат.

– Не осталось ничего от бывшего великолепия, – сокрушенно вздохнул Маслов. – Уничтожили все. Землю по берегам продали в частную собственность, коттеджи растут, все заборами окружено. Персонала на станции почти не осталось, научную часть расформировали, экскурсии несколько лет не проводятся. Простые смертные, вроде нас с тобой, только в районе станции и могут подойти к озеру. Скоро воду начнут на квадраты делить и продавать. Богатые на лодках пересекают, уток в камышах стреляют – кто им запретит? Пропадает целая экосистема, и никому нет дела. Там ведь уникальные флора с фауной, тьма неизведанного! Вроде поднимался вопрос об озере на сессии райсовета, но быстро замяли – ведь у многих там особняки... А в дебри Старицкого озера лучше не соваться – туда сейчас люди не ходят. Бывает, экстремалы из города заплывают, но это точно лотерея. Четверо пропали только в этом году – двое выплыли в итоге на бревне, одного с вертолета подобрали – куковал на островке среди болота. А четвертый так и сгинул с концами...

– Печально, – вздохнул Алексей. – А мы все детство бегали купаться на озеро. И в прибрежные дебри ходили, по скалам лазили – увлекательно было, блин...

– В Монино въезжаем, – объявил Маслов.

Алексей опять припал к окну. Все в порядке, в глухой провинции ничего не меняется. Монино считался поселком городского типа. Маленький, сконцентрированный вокруг дороги, в это время года он утопал в зелени. Здесь не менялись даже заборы. Обочины поросли свалками, шастали бродячие собаки. Тянулись гаражи, бетонные остовы каких-то недостроенных зданий. Двухэтажные бараки вдоль дороги оставались в первозданном виде. Покосившиеся крыши, облезлая штукатурка, пожилые унылые тополя, белье, развешанное во дворах. Впрочем, ближе к центру становилось чище, у здания поселкового совета имелась даже клумба. Но потом опять потянулись запущенные дома. Проехали школу, где учился Алексей. Три этажа, облупленная краска, решетчатый забор. Снова гаражи, бетонная ограда автохозяйства. Этот городок спасала только зелень. Что его спасало остальные девять месяцев в году, оставалось только догадываться.

Маслов свернул на улицу Свердлова, отходящую от Центральной, и вскоре вырулил на северо-западную окраину. Автомобильный трафик здесь отсутствовал как таковой. На северо-западе в трех верстах была единственная деревня на сорок дворов, а за ней цивилизация обрывалась. Раньше этой дорогой пользовались желающие попасть на озеро. В данный момент желающих не наблюдалось. Потянулись поля с перелесками. По курсу возник симпатичный березняк – грунтовая дорога прорезала его насквозь.

– Вот же память дырявая! – хлопнул себя по лбу Маслов. – Мы же за продуктами хотели заехать! Жрать и пить чего будем? Не возвращаться же в Монино...

– Ну да, – согласился Черкасов. – Вертача к неудаче...

– Да расслабьтесь вы, – бросил Алексей. – Я все купил в супермаркете, не пропадем.

– Это чего ты купил? – подозрительно покосился на него в зеркало Виктор Павлович.

– Так это... – Алексей вспоминал, что пробивала узбечка на кассе. – Фахитас купил, паэлью, лазанью, текилу, карпаччо, что-то еще...

– Бли-и-ин... – опять схватился за голову Маслов. – Говорю же, жрать нечего, пропадем!

– Ладно, Палыч, расслабься, – отмахнулся Борька, – заедем в наше сельпо к Мане, там все есть – водочка, селедка. Картошку я из дома принесу... Ты в курсе, что Варвара Кружилина вернулась в Затешу? – повернулся он к Алексею, блеснув неплохими для сельского жителя зубами.

Воронич вздрогнул. О нет, только не это. Снова бабы...

– Испугался? – хохотнул Борька, подмигнув глумливо скалящемуся отражению Маслова. – Помнишь, вы чуть не поженились после школы?

– Не помню, – проворчал Алексей. – Тебе надо, ты и помни.
Мужчины развеселились.

– Да вся деревня знала, что у вас первая любовь, все дела, – разглагольствовал Черкасов. – Скромница была, отличница, хорошая девочка, особенно на сеновале... Извини, конечно, Леха, но в стерву выросла. Теперь ее фамилия не Кружилина, а Бранденбург...

– Брандберг, – поправил Маслов.

– Да хоть Брандспойт, – фыркнул Черкасов. – Но тоже звучит – Варвара Семеновна Брандберг... м-да.

– Подождите, мужики, – нахмурился Алексей. Сюрпризы он не любил, тем более сюрпризы, связанные с женщинами. – У меня имелась информация, что Варвара в девках сидела недолго, удачно вышла замуж, уехала в город...

– Ну да, вышла замуж за директора Акуловского спиртзавода, который был старше ее в два раза. Отличный дом в коттеджном поселке под Акулово, личный автопарк, все удовольствия, включая регулярные поездки в столицу. Она даже вуз не окончила – ушла с третьего курса технологического. Думала, что всю жизнь будет как сыр в масле. Поначалу все так и было – обстругала мужика под себя, построила всех его домашних – захватила, короче, власть. Мужик на повышение пошел, директором пивного холдинга назначили. Подумывали о переезде в столичный регион, покупке хорошей усадьбы. Тут мужик возьми и помри. Ну, бывает. Синдром внезапной смерти или как там. Покушал, спать лег – и во сне загнулся. Менты копали, ничего не нашли. Варвара, понятно, не при делах, ей это в последнюю очередь надо. С живым мужем она – королева, без мужа – никто. Так и вышло, налетели хищники-родственники, наняли лучших адвокатов, а Варвара в этом деле ни уха ни рыла. В общем, на бобах осталась.

– Запретили жить красиво, – хмыкнул Маслов. – Какие-то копеечки отхватила, а больше ничего не осталось. Вернулась в деревню, злая на весь мир. Можно понять: поманила красивая жизнь – и фигу показала. С тех пор и живет. Сходилась с парой мужиков, да те не вынесли ее норова, бежали. Ты знаешь ее дом – сразу у оврага. Родители умерли, сама хозяйство поднимала. Ездит на древнем гремучем «Опеле», пристроили ее по знакомству на склад того же Акуловского завода... Жалко, с одной стороны, бабу, неприкаянная она... Но и ведет себя порой, как полная стерва... извини, Алексей. Спрашиваю у нее: ты чего, Варвара, стерва-то такая? А она руки в бока, губы оттопырит: дескать, я не стерва, а женщина с характером. Тьфу!.. Сейчас у нее опять мужик. Задохлик какой-то из Макеевки. Переехал к ней – на «Москвиче» с прицепом. Принца уже не ищет. Строит то, что есть. Ты и не узнаешь ее сейчас.

– Изменилась сильно? – спросил Алексей.

– Девочка с персиками, – хмыкнул Черкасов. – Серов отдыхает.

– В смысле?

– Да там такие персики... – Мужчины дружно захохотали. Кто сказал, что мужики не любят сплетничать и перебивать косточки знакомым женщинам?

По большому счету Алексею было до лампочки. Есть такое понятие: пройденный этап. Люди меняются. А ведь когда-то Варюша была тихой, доброй, покладистой...

Машина выкатилась из березняка – и дыхание перехватило. Родная деревня раскинулась на просторе между хвойными лесами. Единственная улица со смешным названием Центральная, несколько переулков, ведущих в тупик. Крыши утопали в зелени деревьев. Деревенька была компактная – метров восемьсот в длину, четыреста в ширину. А за деревней, на севере, поблескивала водная гладь – знаменитое Старицкое озеро, окруженное лесами. Фактически ряд озер сложной конфигурации, соединенных узкими протоками. Дальше на север, где уплотнились леса, озера переходили в болотное царство, пропадали в холмах и непроходимых чащах.

Деревня (по крайней мере, большая ее часть) выглядела сносно. Крашенные заборы, крыши, устланные черепицей. Странное бывает ощущение, когда приближаешься к родному дому. Волнение, какая-то торжественность, чутко разочарования. Разве об этом он мечтал

много лет назад, когда уезжал из родительского дома? Дорога втягивалась в деревню, гавкали собаки, кричали куры. Характерные ароматы проникали в салон. Травы, курятники, навоз – все, чем так богата «классическая» русская деревня...

Сельпо располагалось на старом месте, еще больше просело в землю. На крыльце прохлаждался синеватый мужчина со смутно знакомым лицом. Поодаль сплетничали две упитанные женщины с авоськами. Их лица тоже были смутно знакомы. Черт подери, да все сельчане, чей возраст превышает его, должны быть смутно знакомы.

– Платоша на посту, – усмехнулся Маслов, ставя машину рядом с крыльцом. – Помнишь такого? Он и в годы твоей молодости тут побирался. Может забор починить за бутылку, замок новый врезать за стакан. Иной валюты для него не существует. Стоит, как собака, смотрит жалобно. Когда-то был хорошим агрономом, но спился, как якут, имущество пропил. Насшибает копейчку за день, потом валяется пьяный на дороге...

– А говорят, хорошие специалисты на дороге не валяются, – засмеялся Черкасов, открывая дверь. – Пошли, мужики. Жрачку берем – и до хаты. На мольбы Платона не реагируем.

– Да это, не иначе, Алексей, сын Петра Воронича? – удивилась одна из дам, ведущих «светскую» беседу. – Смотри-ка, похож. Давно он тут не появлялся...

– Да не, Даш, не он, – прищурила зоркий глаз товарка. – Похож, но не он. Сын Петра Воронича сейчас уж, поди, в генералах ходит, ему не до нашей периферии...

Алексей улыбнулся, проходя мимо, тактично поздоровался. Дамы как-то подобрались, распрямили плечи. Платон открыл от удивления рот, собрался разразиться приветственной песнью, но не успел. В «торговом зале» никого не было. Продавщица, увитая кудряшками, высунулась из-за кассы, смерила покупателей взглядом.

– Этого знаю, этого знаю... – сказала она, тыча пальцем в Маслова и Черкасова. – А этого...

– Этого тоже знаешь, Маня, – улыбнулся Алексей, – в одном классе десять лет чалились.

– Батюшки! – ахнула продавщица – в девичестве Мария Бурденко (судя по кольцу на правой руке, девичество не затянулось). – Ворона, ты, что ли?

По меркам российской деревни, она смотрелась нормально. По стандартам же миланской моды – дико и возмутительно. Живого веса Мани хватило бы на три королевы подиума. Ее глаза блестели от любопытства, оба подбородка дрожали.

– Вообще-то, его Алексей Петрович зовут, – нахмурился Черкасов. – Что за панибратство, Маня? Ты, слушай, давай поменьше глазами хлопать, успеете еще наговориться. Надолго к нам Алексей Петрович пожаловали. Возможно, что и навсегда. Сообрази-ка быстренько водочки, рыбки какой-нибудь, хлеб, селедочку, что там еще у тебя в закромах? Некогда нам.

– Алеша, ты правда надолго? Слушай, здорово! – Она стала сноровисто загружать прилавков товарами. – Ну ладно, мы с моим позднее к тебе зайдем, расскажешь... Слушай, а ты прикольно выглядишь! – лукаво подмигнула Маня. – Прямо атлет такой, добрый молодец из спортзала... А ты знаешь, что Варвара твоя тоже в Затешу вернулась – давно уже, чай... Ой!..

Последнее слово в исполнении Мани как-то выбилось из контекста. Женщина напряглась, спряталась за кассу. Загадочно запыхтел прикрывший Алексея Черкасов. Возникло желание втянуть голову в плечи. Странное, вообще-то, желание для вчерашнего майора спецназа. Алексей осторожно покосился через плечо. В магазин вошли двое. Женщина в коротком ситцевом платье и мужчина в длинных брюках – настолько длинных, что приходилось на них наступать. Екнуло в груди. Доброго денечка вам, Варвара Семеновна... Еще молодая, статная, фигуристая, с крутыми бедрами (про персики не обманули), с надменным лицом, обрамленным крашеными локонами. Мужичок интереса не представлял, он семенил на шаг позади и был чем-то вроде домашней собачки.

– Здравствуй, Маня, – поздоровалась Варвара. – Свежай мне как обычно.

Алексей машинально сгреб продукты в пакет. Сунул продавщице тысячу, забыв про сдачу. За спиной зацокали каблуки, и выбора у него не оставалось. Раз уж не удастся провалиться сквозь землю... Он с улыбкой посмотрел в глаза женщины, сделал вид, что крайне удивлен.

– Приветик, Варюша, ты как? Ну, ладно, извини, увидимся. Ты, наверное, спешишь? – одарил ее еще одной очаровательной улыбкой и направился к выходу, помахивая пакетом. На пороге не выдержал и обернулся. Варвара смотрела на него, открыв рот.

– Рад приветствовать вас, уважаемый, на нашей гостеприимной земле... – бросился ему наперерез заготовивший приветственную песнь Платон.

Алексей выудил из кармана какую-то купюру, сунул в трясущуюся длань, не глянув на номинал, зашагал к машине. Страждущего Платона словно волной смыло – пока добрый человек не передумал...

Остаток пути хохотали как сумасшедшие.

– Ну ладно, ша! – резко бросил Алексей. – Развеселились вы что-то, не к добру. Ставь машину к ограде, Палыч, этим лопухам уже хуже не будет. Порядок поможете навести, мужчины?

– Ага, шас, – проворчал Маслов, упирая капот в заросший репейником штакетник. – Может, тебе и мусор вынести, и потолки подмести? Да расслабься ты. Поручил мне следить за домом? Так считай, что с поставленной задачей пенсионер справился. Дом в порядке, веранда ждет, когда на ней накроют стол. В доме электричество имеется, и воды я натаскал. Но вот сортир, извини, сам будешь чистить. И с сорняками сам поборешься – они у тебя везде...

Алексей ожидал худшего. Сердце защемило, когда он вошел в калитку. Такое ощущение, что из сарая сейчас высунется отец, проворчит: явился, мол, блудный сын. Из дома выглядывает мама, улыбнется с укором: ну и где тебя носило, сынок, всю эту вечность? Он неприкаянно болтался по заросшему бурьяном огороду. В море растительности с трудом угадывались грядки. Очищенной оказалась лишь дорожка к гаражу, ключ от которого вместе с ключами от дома ему торжественно вручил Виктор Павлович. Старенький «Спринтер» выглядел прилично, даже дружелюбно, блестели очищенные стекла. Он заглянул в сарай, побродил по дальней оконечности огорода, сунулся в баню на задворках, срубленную отцом, когда Алексей еще пешком под стол ходил. В бане было прибрано, все на местах. Под навесом поленицы валялась горка нарубленных дров – спасибо Виктору Павловичу, не дал хозяйству окончательно захиреть... Он, как зомби, шатался по участку, навесил «падающий» сортир, полазил по груде заплесневелых досок. Потом бродил по дому, где все напоминало о родителях. Дом держался молодцом, бревенчатая конструкция была рассчитана на долгие десятилетия, даже обстановка сохранилась. Изредка Виктор Павлович вытирал пыль, но сильно не утруждался. У старика, похоже, проснулось чувство юмора. У входа висел новенький, отливающий краской огнетушитель, а на стене в горнице – красочный антиалкогольный плакат времен СССР: «Яд самогона отравляет здоровье трудящихся!»

На кухне и примыкающей к ней веранде уже кипела жизнь. Нагревалась вода на газовой плите. Виктор Павлович в проржавевшей раковине чистил картошку. Черкасов нашел дырявую скатерть, застелил стол на веранде. Получилось безобразно, но вроде не бабы за нарядностью следить. Мужики хозяйничали – Алексей не возражал.

– Где тут твоё капучино? – пробормотал Черкасов, высыпая на стол содержимое сумки Алексея. Подхватил у самого пола квадратный штоф текилы, скептически скривился – мол, где мое праздничное сомбреро? – Это, что ли? – вытащил упаковку с чем-то мягким и круглым, стал разглядывать на свет.

– Не капучино, а каприччио, дурында, – бросил, не оборачиваясь, Маслов. – Русским языком тебе же сказано...

– Карпаччо, мужики! – засмеялся Алексей. – Сырое мясо, приправленное оливковым маслом! Оно у тебя под левой рукой, Борька. А то, что ты держишь, – адыгейский сыр, его можно жарить...

Мужики смеялись, язвили, все валилось из рук, но, худо-бедно, процесс продвигался. Черкасов сетовал, что на данном историческом этапе живет без женщины, а то бы непременно пригнал, чтобы натворила на стол. «Первым делом бабу заводи, Алексей, – бурчал пенсионер, вскрывая тупым кухонным ножом вакуумные упаковки, – а потом уж все остальное – коты, собаку, работу... Хреново без женщины, Леха, не жизнь, а каторга, уж поверь моему бесценному опыту...»

Пили дружно, слаженно, с аппетитом уничтожали деревенскую и импортную снедь. Водка лилась как по маслу, но быстро кончилась, и голодные взоры сконцентрировались на литровой текиле.

– Господи, какую только гадость потреблять не приходится... – вздохнул пенсионер, молитвенно посмотрев в потолок. – Мы словно и не русские люди, а труженики наркокартеля какие-то... Ладно, Леха, ты специалист по этой самогонке – тебе и сдавать.

Текила тоже прошла на ура. Нормальный напиток – если не знать его цену (и сколько водки можно купить на эти деньги). Утолили первый голод, откинулись, закурили. Каждый смолит свое: Черкасов – отечественный «Максим», Алексей – буржуйский «Кент», Виктор Павлович – старую заслуженную трубку с обглоданным мундштуком. На веранде было хорошо, деревья закрывали половину огорода, создавая тень и комфорт. Пол на веранде почернел от старости, половицы прогибались. Все требовало ремонта – возможно, не срочного, в перспективе.

– Теперь откровенно, мужики, как жизнь в районе? – спросил Алексей. – Бандиты с полицией не лютуют? Жить можно? Чиновники не чудят?

– Да мы и раньше не лукавили, – пожал плечами Черкасов. – Девяностые прошли, все по-другому стало, хотя нашей деревне все едино. Жить не мешают. Власть теперь солидная – настроила особняков и коттеджей, да сидит в них, в ус не дует. Про разборки давно не слышали, все лакомые куски давно поделили. Какие криминальные разборки, если замминистра... не помню какого министерства – на «Сторублевке» себе домину отгрохал, а под Старицким озером – «рыбачий домик» о трех этажах и с благоустроенным пляжем. Ходили слухи, что через Мирославль проложен канал поставок героина в Московскую область, но так ли это – дело темное. Полиция точно не в деле. Возможно, кто-то из чиновников подрабатывает – неизвестно. Полиция в наших пенатах тихая, на главные роли не лезет. Начальника районной ментуры из Москвы назначили – полковник Мирон, он уже полтора года тут заправляет. Ходит молва, что мужик нормальный, из честных, строго спрашивает с подчиненных за «косяки». Как прибыл – разогнал половину окружения, остальные теперь пашут не за страх, а за совесть...

– Нам по барабану, что они мутят, – отмахнулся Маслов, – лишь бы людям жить давали. У самих денег немерено, а дороги в районе отвратительные. Даже свою «Сторублевку» толком вымостить не могут. Хотя какое дело их джипам до этих ухабов?

– У нас теперь даже свой участковый имеется, – похвастался Черкасов, – старший лейтенант Куприянов. Выпить любит. Но вроде не сволочь. Он на несколько деревень назначен, опорный пункт в Макеевке. Приезжает в Затешу дважды в неделю – у него своя комнатуха в сельсовете. Типа граждан принимает. Приходят добрые люди, лечат мужика от похмелья, тащат соленья, маринады собственного изготовления, высказывают все, что накопилось. Он в блокнотик все записывает, увозит с собой, обещает разобраться и принять меры.

– В этой глуши, наверное, и не случается ничего страшного, – улыбнулся Алексей.

– Зря ты так думаешь, – насупился Маслов. – На прошлое Рождество деда Гринева арестовали за убийство сына. Люди в шоке были. Ветеран Великой Отечественной, достойный человек, его на 9 Мая даже замглавы администрации поздравлять приезжал. Ты сына его

Гришку, наверное, не знал. С зоны откинулся лет шесть назад, сам уже в годах был. Осел в Затеше у отца, бабу привез из Акулова. «Крыша» на Рождество поехала, видно, выпил мало-вато, – усмехнулся Виктор Павлович. – Темная история, носился по дому, мебель громил, бабу свою из окна в сугроб выбросил, на старую мать руку поднял. Дед с берданкой приковылял, когда он душил ее. Плечо прострелил мерзавцу, тот и успокоился. Вроде живы все остались, давай ментов из Монины вызванивать. Но перемкнуло что-то у старика – перезарядил берданку да добил отпрыска – половину черепушки снес ему к чертовой матери! Так бы прокатило – самозащита от взбесившегося зверя, все такое. Но явно, что стрелял с целью убить. Девяносто четыре года старику было – повезли в изолятор, за решетку посадили. Дело завели по сто пятой. Недельку дед Гринев в кутузке продержался да помер. Даже выяснять не стали отчего – мол, давно пора старику. Старуха его в тот же год откинулась, баба, что с Гришкой жила, слиняла куда-то – ей все равно бы тут жить не дали...

– А еще с Тамарой Степановной Миньковой история приключилась, – сказал Черкасов. – Обычная баба, за сорок. Спокойная всегда была, приветливая. В сельсовете на бумагах сидела. Взяла и пропала. Так бы и искать не стали – баба-то одинокая, но глава сельсовета Кравчук шум поднял. Нашли за Акуловом в лесополосе. Живая, но не в себе. Никого не узнает, ничего не помнит, смотрит на всех со страхом. В больницу отвезли – несколько синяков и травма черепа. Сбил ее кто-то на дороге – видимо, пешком из Монины в Акулово шла. Остановились, сунули в багажник, завезли подальше и выбросили. У женщины память отшибло, «крыша» съехала – в общем, беда, пропала баба. Того, кто сбил ее, понятно, не нашли. Сейчас она в «психушке» в Мирославле, совсем помутилась разумом...

– Ладно, давайте выпьем, – встрепенулся Маслов. – Не будем о плохом, а то соседка расстроится да обратно в армию смотается.

Снова ели, пили, хрустели луком и огурчиками. К текиле приспособились – нормальная гадость.

– Делать-то что собираешься? – чавкал Черкасов. – Ты, вообще, определился – навсегда в пенаты или так, погостить? Но учти, продать дом у тебя, скорее всего, не выйдет. Под дачку вряд ли купят, а работы в деревне нет – никто не поедет сюда на «постоянку». Так что быльем все зарастет, если уедешь. Или, вон, Палычу свою халупу завещаю, пусть присоединит к своему участку, ограду наконец снесет между вами, картошкой огород засадит.

– Да не нужен мне этот геморрой, – фыркнул Маслов, – своего хватает – восемь соток, куда уж больше? Последить за сохранностью – одно, а постоянно тянуть этот воз – чур меня, как говорится.

– Ей-богу, мужики, не думал об этом, – божился Алексей. – Не было планов продавать – другого-то дома у меня нет. Поживу, осмотрюсь, с голода пока не пухну, денег на черный день накопил.

– Давай ко мне на пасеку, – предложил Черкасов. – Деда-бездельника уволю к чертовой матери, будешь моим помощником. Компаньоном, так сказать. Расширимся к следующему лету, фирму свою организуем. «Частные пасеки Черкасова»... – Он задумчиво уставился в облезлый потолок веранды. – Ну и Воронича, конечно, гы-гы... А что, звучит?

– Ладно, поживем – увидим. Может, не понравится, переселюсь куда-нибудь в Таиланд, буду на солнышке до пенсии греться, девчонок местных шупать...

– Ты с ними поосторожнее в Таиланде, – предупредил Борька. – Знающие люди по секрету сказывали, что половина девчонок в Таиланде – никакие не девчонки...

Ржали так, что дрожала и чуть не сыпалась крыша веранды. О плохом уже не говорили – сегодня только о хорошем! Снова пили, ели – еда, в отличие от спиртного, не переводилась. Перешли на анекдоты. Было уютно, весело, алкоголь туманил голову. Старенький дом вздрагивал от хохота. Весьма некстати кончилась текила. Сидели, как сироты, растерянно глядя друг на друга.

– Айн момент, – встрепенулся Маслов, – сбегая к себе. Посидите минутку, никуда не уходите.

Ему и за калитку выходить не пришлось – отогнул штакетину, пролез к себе на участок. Тем же образом вернулся, сжимая литровый пивной пластик. В бутылке, судя по мутному содержимому, было не пиво.

– Стратегический запас, – с трудом ворочая языком, поведал пенсионер. – Баба Дуня гонит... Нормальная штука, но сразу предупреждаю – не шедевр. Баба Дуня любит денежки, но ей не хватает усидчивости...

– Мы поняли, Палыч... – У Черкасова тоже заплетался язык. – Не является лекарственным средством, типа... Будем пить очень и очень осторожно... Ты наливай, не тряси своей бутылкой...

Воспоминания о заключительной части пьянки остались отрывочные. Деревенский самогон, рассчитанный на не самую взыскательную публику, крепкошибанул по мозгам. Все было как в тумане. Веселье оборвалось, наступило угнетенное состояние. Самогонку даже не допили. Но закончилось все мирно, без эксцессов и классических выяснений, кто кого уважает. Первым отвалился Виктор Павлович – передал всем пламенный привет и поволокся к калитке, хотя с успехом мог бы пролезть через штакетник. Борька Черкасов проживал через семь дворов, рядом с магазином – то есть страшно далеко. В завершение вечера его сразил дикий голод – смолотил паэлью с лазаньей, остатки картошки. Потом поднялся, забыв поблагодарить, изобразил нетленный «но пасаран» и, шатаясь, побрел к выходу. Покидая участок, повредил калитку и чуть не повалил забор, но это такие мелочи...

Глава третья

Утро было сизым, недружелюбным, насыщенным похмельными страданиями. Хотелось выть от отчаяния: кто в него вливал, почему так назюсюкался и как теперь пережить грядущий день? Алексей очнулся на своей кровати (добрался-таки), но почему-то одетый, в одном ботинке. Снять второй, видимо, не хватило сил. Изголовье кровати стояло как-то криво – пытался вытащить на улицу, чтобы ночевать на свежем воздухе? Или под распятие захотелось – с укором смотрящее на него со стены? Мать-земля сегодня не держала. Выбираясь из комнаты, он глянул на себя в мутное зеркало – картина печальная и нравоучительная. Припал к раковине, яростно чистил зубы – не помогло, от энергичных движений только хуже стало. Пришлось присесть в старое родительское кресло, а потом восставать из него, как птица Феникс. Болели все кости, трещала голова. Во рту обосновался на постой эскадрон гусар летучих. Он выбрался страшным привидением на веранду, обозрел мутным взором остатки вчерашней трапезы. Прибрать гадюшник было некому (да и в дальнейшем вряд ли удастся). Возле банки с недоеденными шпротами сидел пушистый черный кот и с наслаждением пировал – аккуратно вытаскивал из банки рыбу, пристраивал рядом на стол и ел, закрывая от наслаждения глаза. «Эстет», – подумал Алексей.

Разговаривать не было сил – даже с животными. Кот покосился на него и тоже не издал ни звука. Он пошатался по веранде, спустился в сад и побрел к калитке, попутно оценив надельные Борькой разрушения. Ничего, пройдет похмелье – он горы свернет! Алексей вышел на дорогу, немного продышался. Петухи уже пропели, но народ еще спал. Где-то гавкнула собака и заткнулась. Участок Вороничей располагался на северной околице деревни – через дорогу находилось только одно домовладение. Там никто не жил – от ограды остался лишь продольный брус, крыша просела, окна заколочены досками. За околицей тянулся рослый кустарник. Дорога сворачивала направо и устремлялась к Старицкому озеру. Местность погружалась в низину, ее окутывал туман, которого почти не было в деревне. Насколько он помнил, это была не основная дорога к озеру и лодочной станции. Проехать туда можно было проще – воспользовавшись ответвлением от дороги из Монино. Видимо, там все и ездили. Дорога, на которой он стоял, была исполосована колдобинами, заросла чертополохом. Здесь забуксовал бы даже высокий внедорожник. И это хорошо. Меньше всего хотелось, чтобы рядом с домом кто-то ездил.

Алексей вернулся на участок, добрал до бочки с дождевой водой и с наслаждением погрузил в нее голову. Вытащил, снова сунул по самую шею. «Лекарство» подействовало. Эскадрон не уходил, ломота оставалась, но голова уже не трещала, как набитая сушняком буржуйка. Он поковырялся в сарае, отыскал косу. Сделал попытку удалить хотя бы часть травы, расплывшуюся в страшном количестве. Несколько взмахов косой – и бросил ее обратно в сарай. Больше не пить! Он продолжил обход своих владений, навестил гараж, в котором прозябала «Тойота», походил вокруг нее, сунулся зачем-то в капот. Машина выглядела неплохо. Сменить чехлы, небольшой косметический ремонт – и не стыдно въехать даже в центр Мирославля. Но только не сегодня. Затем обогнул пару сараюшек, добрался до бани, сложенной из качественного бруса. Баня стояла как влитая, из щелей между досками торчала пакля. Маслов хвастался, что баня в полном порядке, можно мыться хоть сейчас – если растопить и натаскать воды. Дрова имелись, врытый в землю бак тоже оказался не пустым – пополнялся дождевой водой, стекающей с крыши.

Надо баню растопить, мелькнула мысль. Забуриться в парную – и все похмелье как рукой снимет.

Алексей набрал в поленнице охапку дров, прижал их к груди, поднялся на крыльцо, потянулся к дверной ручке... И вдруг заметил краем глаза, как колыхнулась занавеска в крохот-

ном оконце – в аккурат в помывочном (парном) отделении! Проглотить не могло – похмелье, конечно, дикое, но связь с реальностью не утеряна. Он все же офицер спецназа, способен отличить реальное от кажущегося! Алексей сделал вид, что вытирает ноги о занюханный коврик, шоркал подошвами, скрипели половицы. Снова скосил глаза – занавеска больше не шевелилась, но ощущение, что в бане кто-то есть, укреплялось все больше. Виктор Павлович прибыл спозаранку, решил растопить, порадовать хозяина? Не стал бы он топить – пост сдал, как говорится. И не шифровался бы, не прятался за занавесками... Бродяги? Гастарбайтеры, шныряющие по селам в поисках работы? Замка на бане отродясь не было. Он со скрипом отворил дверь, вошел. Высыпал дрова у печки в узком предбаннике и, потянув на себя следующую дверь, вошел в комнату для отдыха. Здесь стояли два старых кресла, колченогий сервант. В помещении – никого, а сквозь сумрак очерчивалась еще одна закрытая дверь – в помывочное отделение. На стене двойной выключатель. Алексей бросился вперед, ударил по выключателю и распахнул дверь, гаркнув:

– Не шевелиться! Стоять! Прибью!

Метнулось что-то невнятное, закутанное в покрывало, он бросился вперед. Столкновение! Незнакомец с испуганным криком отлетел куда-то в сторону, закопался в гуще тазиков, пустых алюминиевых баков, какой-то старой картофельной мешковины. Есть! Запуск прошел успешно! Он поднял руку со сжатым кулаком... и вдруг дошло, что крик был женский. Алексей нерешительно опустил руку и начал всматриваться. Тусклая лампочка не давала полного представления о происходящих событиях. В углу под полкой кто-то копошился, стонал, гремели шайки. Отогнулась дырявая мешковина, блеснули испуганные глаза. Алексей помалкивал. Цыганка, что ли? Шляются тут всякие. Под окном стояла сумка – видимо, принадлежала этой «постоялице». Обычная грязно-лиловая сумка, похожая на хозяйственную – с ручками, на колесиках, с выдвижной рукояткой, позволяющей катить ее за собой. На полке была расстелена старая болоньевая куртка отца – значит, ночью пришла, постелила, чтобы поспать...

– Послушайте... простите, я не хотела к вам вторгаться... просто шла, заблудилась, очень устала, зашла, чтобы переночевать... Я не воровка, правда...

Все воровки так говорят. Алексей молчал, выжидал. Вроде не цыганка, но что на уме? А если нож в рукаве припрятан? В доме (а тем более в бане) ничего ценного. За исключением заветного кейса, который он еще до пьянки сунул в подпол, запер крышку люка на ключ, а ключ спрятал под гуляющую половицу в спальне.

– Послушайте... можно я просто уйду? Я не сделала ничего плохого... Что вы собираетесь делать?

– Вызывать авиацию, – усмехнулся он.

– Я не понимаю... Полицию?

– Нет, авиацию.

Из-под полки снова донеслась возня – испуганная женщина забиралась в угол, видимо, решила спрятаться от авиации. Он подошел поближе, нагнулся:

– Эй, где вы там?

– На грани вымирания... – тоскливо прозвучало из угла. Голосок испуганный, но приятный.

– Вылезай, красавица, – вздохнул Алексей. – Давай сама, не заставляй за багром идти.

– А ты мне ничего не сделаешь? – Как-то незаметно обе стороны перешли на «ты». – Сам сказал, что прибьешь, если буду шевелиться...

– За экстремизм привлеку, – проворчал он, – а не вылезешь, точно прибью, надоела уже.

Похмельное утро стартовало бодро и загадочно. Из-под полки выползла невысокая щуплая женщина, села на лавку и сжалась в комок. Смотрела недоверчиво, исподлобья. Как мило – чертенок из табакерки. В самый неподходящий момент.

– Ну что, невесело находиться на грани вымирания? – пошутил Алексей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.